

А. И. Грищенко

Московский педагогический государственный университет, Москва
alexander@grishchenko.ru

Прямые лексические заимствования из древнееврейского языка в средневековой славяно-русской книжности*

О существовании в средневековой славяно-русской книжности прямых, не опосредованных греческим языком и греческими текстами, семитизмов (в основном гебраизмов) палеославистам известно давно — начиная с восточковского «Описания русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума» (1842) и статьи прот. Александра Горского «О славянском переводе Пятюкнижия Моисеева, исправленном в XV в. по еврейскому тексту» (1860). Тогда же было сделано предположение о том, что сверка славянского Пятикнижия с Масоретским текстом была вызвана деятельностью жидовствующих, однако в последнее время А. А. Алексеев склоняется к тому, что глоссирование, осуществлявшееся по крайней мере дважды, не связано с жидовствующими и относится к более ранней эпохе. В работах Б. А. Успенского, посвященных именам Бога в этих списках Пятикнижия, высказана версия, что славянский перевод Торы использовался славяноязычными евреями Восточной Славии в качестве таргума. Особое место в изучении славяно-еврейских контактов в эпоху Средневековья отводится древнерусскому переводу Книги Есфирь (датируемому разными исследователями в диапазоне от конца X до конца XIV в.), которому посвящено огромное количество работ. Вышло также несколько научных изданий, последнее — И. Люсен (2001), где приводится типология лингвистических фактов, свидетельствующих и/или не свидетельствующих о прямом переводе с семитских языков. Наконец, совсем особняком стоят переводы с древнееврейского языка на западнорусский («прóсту мову») восьми ветхозаветных книг Виленского Библейского свода 1-й трети XVI в. (пять из них изданы в 1992 г. М. Альтбауэром и сопровождаены конкордансом

---

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых — кандидатов наук МК-4528.2015.6, проект «Языковые и литературные контакты славян и евреев в средневековой Slavia Orthodoxa».

© Грищенко А. И., 2015

М. Таубе), которые, по недавней гипотезе С. Ю. Темчина (2006), были выполнены иудейским книжником Захарией бен Аароном ġa-Коґеном во 2-й половине XV в. в Киеве. А. А. Архиповым (1995) специально рассматривались (прежде всего на примере имен собственных) способы адаптации семитских лингвистических форм в славянских текстах первого перевода Есфири и Виленского свода.

С учетом того что круг соответствующих памятников в целом очерчен, хотя и не все из них основательно изучены (к ним следует добавить произведения, в которых упоминается наименование иудейского мессии, а также несколько апокрифов Соломонова цикла), давно назрела необходимость обобщить собственно лингвистические признаки, которые с той или иной степенью очевидности свидетельствуют о непосредственном заимствовании лексических единиц из древнееврейского языка в славянский текст.

1. Передача семитского *š* славянским *ш*. Древнейшее свидетельство этому («Речи к Жидовину о вочеловечении Сына Божия») относится к XIII в. и содержится в Изборнике РНБ Q.п.I.18: *маши-ка, машиаакъ*; в дальнейшем это наименование иудейского мессии (в христианской интерпретации — антихриста) попало в Толковую Палею (старший список конца XIV в.) в форме *машлахъ* (здесь оно представлено в толкованиях на апокрифическое «Благословение Иаковле сыном своим», которое, будучи постоянным текстологическим конвоем «Заветов двенадцати патриархов», встречается и отдельно от Палеи); в качестве промежуточной формы следует считать упомянутое А. А. Шахматовым слово *машьякъ* / *машьяхъ* из утраченной киевской рукописи Толковых пророков 1483 г.; в дальнейшем оно попадает в западнорусское «Особное мовене до Жидов» из сборника Супрасльского монастыря 1580 г. (ОРК РНБ: I, 1 № 29), где выглядит как *машиаѣкъ*, а также в алфавитный стих из «Жемчужной матицы» (РНБ Погод. 1615) 1632 г., изданный А. Пересветовым-Муратом (2006). Древнейшими семитизмами, относящимися к эпохе до «жидовствующих», являются еще два слова из апокрифов Соломонова цикла (в составе Палеи) — *шамиръ* ‘алмаз’ и *Малкаташва* ‘царица Савская’. В первом славянском переводе Есфири первичными считаются формы с *с* на месте *š*, например, *Хоусъ* < *kūš* ‘Эфиопия’, *Вафесъ* < *wa-tereš* ‘и Фарра (царский евнух)’ (А. А. Алексеев предполагает большую древность форм *Коушь* и *Терешъ* в ряде списков). В упомянутых списках Пятикнижия

и в Виленском Библейском своде формы с *ш* на месте *š* встречаются в огромном количестве.

2. Передача семитских *schwah* при помощи еров, отмеченная впервые А. А. Архиповым: *Ахасьверось* < 'āḥaš(ə)wērōš, *Визъсанъ* < *bizātā'* (Есфирь); *Белтышаїрь* < *baṭṭāša 'sar*, мнмне *тыкель* < *təpē 'təpē 'taqēl* (Виленский свод: здесь *schwah mobile* передается в основном через *ы*); *Цафънатъпане* < *sāp(ə)naṭ-pa 'nē'aḥ* (Пятикнижие РГБ Волок. 7). Упомянутая форма *Малкатошва* могла появиться только в результате прояснения / падения редуцированных в сочетании *малкатъ шьва < *markat-šəbā'*.

3. Передача семитских *h* и *g* славянскими *г* и *гк* (реже — *к*) соответственно: *Маглавте*(л) < *mahālal 'ēl* (гlossa в Пятикнижии РГБ Рум. 27, греч. *Μαλελεηλ*), *Гоше* < *hōšē'*, *Гку*(ə)*гко*(ə) < *gidgad* (в тексте Пятикнижия РГБ Волок. 8, греч. *Αυση, Γαδγαδ*), *Игуда* < *yəhūdā*, *Гаманъ* < *haman*, *Гекаи* / *Гекъи* < *hēgay* (Виленский свод, греч. *Ιουδα, Αμαν, Γαι*).

4. Передача семитских *b* взрывного и *š* (в исторически зафиксированных системах произношения — аффрикаты *tš*) славянскими *б* и *ц* соответственно — обе фонемы, не свойственные греческому языку ранних переводов с древнееврейского, в принципе могли передаваться на письме в византийское время, однако в канонических текстах не зафиксированы: *Бихванъ* / *Бихфанъ* < *bigtān* (Есфирь, греч. *Γαβαθα*), *Циппора* < *šipporā*, *Бальцефонъ* < *ba 'al-šəron* (Волок. 8, греч. *Σεπφωρα, Βεελσεφων*), *Боазъ* < *bo 'az*, *Циwnъ* < *šīyūōn* (Виленский свод, греч. *Βοος, Σιων*).

5. Передача семитского *h* славянским *х* при отсутствии в параллельных греческих формах (признак, показательный лишь при наличии предыдущих четырех, так как в греческом также в принципе возможна передача *h* через *χ*): *Сихонъ* < *siḥon*, *Хиротъ* < *hirot* (Волок. 8, греч. *Σηων, Ειρωθ*), *Хеиронъ* < *hešrōn*, *Нахшонъ* < *naḥšōn* (Виленский свод, *Εσρων, Ναασων*). В редчайших случаях *h* передается при помощи *г*: всего один известен из Пятикнижия (*taḥaš* передается при помощи прилагательных с корнем *тагаш*-, Числ. 4) и три имени собственных — из Виленского свода (*Бетлегемъ* < *bēyṭ-leḥem*, ср. греч. *Βαιθλεμ* и лат. *Bethleem*; *Маглонъ* < *mahlōn*, ср. греч. *Μααλων* и лат. *Maalon*; *Рагель* < *rāḥēl*, ср. греч. *Ραχηλ* и лат. *Rachel*), в передаче которых М. Альтбауэр усмотрел влияние принципов польской и чешской транслитерации, что представляется сомнительным.

При первостепенной важности приведенных лингвистических свидетельств средневековых языковых контактов между славянами и евреями до сих пор нет исчерпывающего списка такого рода гебраизмов. Так, в списках Пятикнижия, правленного по Масоретскому тексту, они могут исчисляться сотнями, и лишь после всестороннего их анализа вкупе с данными других памятников можно делать надежные выводы о хронологии и ареале данных контактов.

А. В. Гура

Институт славяноведения РАН, Москва
avgura@mail.ru

Семантика и функции круга в тексте свадебного обряда

К кругу как элементарному символу в его обобщенном виде могут быть сведены его разнообразные конкретные воплощения в свадебном обряде, представленные в разных обрядовых кодах: предметном, акциональном и хореографическом, вербальном. Их символические значения формируются на основе свойств круга. Линия круга очерчивает замкнутую границу, делящую пространство на внутреннее и внешнее.

Замыкание во внутреннем круговом пространстве определяет символику оберега (обегание свадебного поезда, опоясывание сетью, венки как апотропей), символику соединения, сближения, породнения (обход вокруг молодых, прохождение их через обруч, смотрение друг на друга через отверстие калача, целование невесты со свекровью через калач на пороге дома жениха), символику приобщения (пляска женщин вокруг невесты или кручение ими невесты в кругу в знак включения в свое сообщество, обход молодой вокруг очага или катание хлеба вокруг стола по прибытии в дом мужа для приобщения к новой семье), символику подчинения, овладения и присвоения (обход невестой вокруг навоза в хозяйстве новобрачного, чтобы ее признавала домашняя птица, смотрение невесты на жениха для власти над ним и обеспечения его супружеской верности), значение фиксации какого-то события, его